

На правах рукописи

Лукаш Наталья Петровна

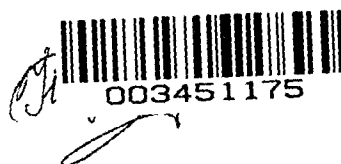
**КУЛЬТУРА И ЧЕЛОВЕК
В СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 60 – 70-Х ГОДОВ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата культурологии

Нижневартовск – 2008

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Нижевартовский государственный гуманитарный университет»
на кафедре культурологии и философии

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Полищук Виктор Иванович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Губин Валерий Дмитриевич

доктор философских наук, профессор
Павлов Александр Валентинович

Ведущая организация ГОУ ВПО «Государственный
университет – Высшая школа
экономики» (ГУ-ВШЭ), г. Москва

Защита состоится «05» ноября 2008 года в 13.00 ч. на заседании
диссертационного совета К 212.167.01 по защите кандидатских диссертаций
при Нижевартовском государственном гуманитарном университете по
адресу: 628605, г. Нижневартовск, Тюменской области, ул. Ленина, 56.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Нижевартовского
государственного гуманитарного университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2008 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Шахова О.Ю.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Центральной темой данного диссертационного исследования является советский человек, прежде всего человек 60 – 70 годов прошлого века. Нами взяты эти годы, потому что здесь, по нашему мнению, понятие «советский человек» достигает своего наибольшего воплощения в повседневном сознании людей, в культуре, политике, идеологии; и именно тогда начинается распад этого феномена, параллельно распаду коммунистической идеологии, и «советский человек» в чистом виде начинает постепенно исчезать.

Тем не менее, мы сознаем определенную условность нашей демаркации, ибо советский человек существовал уже в тридцатые годы и в определенной мере продолжает существовать сейчас. Советский человек как особый тип осознания индивидом самого себя, окружающего мира и исторического процесса – этот невиданный социальный продукт, никогда ранее в истории не существовавший, до сих пор до конца не исследованный, представляет определенную загадку для историков, социологов, философов и культурологов. Нам прежде всего интересен культурологический аспект этого феномена – какова та культура, которая создавала и воспроизводила советского человека, и каким образом он сам воспроизводил эту культуру. И речь прежде всего пойдет не о неких вечных культурных ценностях, но культуре повседневности – культуре быта, культуре языка, культуре взаимоотношений с властью, поскольку она вторгалась в повседневность, с идеологией, в той степени, в какой она была неотъемлемой частью повседневной жизни.

Массовые повседневные феномены встречаются в нашей жизни везде и во всем. Однако повседневность предстает как видимое, но незамечаемое. «Повседневные практики, – пишет известный исследователь культуры повседневности Н.Н. Козлова, – никогда не выступают в форме проектов, программ, доктрин социального изменения.

Повседневные практики не воплощаются ни в каком официальном институте, они образуют своеобразные “свободные зоны”, защищенные или защищающиеся от институциональных давлений»¹

Согласно А. Шюцу, существует ряд конечных областей значений: религия, игра, сон, художественное творчество, повседневность. По его мнению, телесное предметное переживание реальности (как качество опыта повседневности), ее вещей и предметов – и составляет ее преимущество по сравнению с другими конечными областями значений. Поэтому, говорил он, повседневность является «верховой реальностью». Человек живет и трудится в ней по преимуществу и, отлетая мыслью в те или иные сферы, всегда и неизбежно возвращается в мир повседневности.²

Кроме того, А. Шюц выделяет некоторые конституирующие элементы повседневности как особенные формы реальности: 1) трудовую деятельность; 2) специфическую уверенность в существовании мира; 3) напряженное отношение к жизни; 4) особое переживание времени; 5) специфику личностной определенности действующего индивида; 6) особую форму социальности.³

Изучение повседневности вводит культурно-исторические явления в проблемное поле науки. Очень долгое время отечественная наука не учитывала этот аспект, уделяя основное внимание материальным или духовным ценностям. Но реальное бытие пронизано человеческой телесностью, его поведением, бытовой сферой. Человек строит свою реальную жизнь, «вписывая» свое тело в господствующие нормы и правила, стремясь соответствовать идеальным канонам. Каждая историческая эпоха формирует свои каноны, свою символику правил человеческого поведения, подчеркивая эти символические принципы запретами и

¹ Козлова Н.Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 48. «Повседневность – одно из пространственно-временных измерений развертывания истории, форма протекания человеческой жизни, область, где возникает надежда на новацию – банальности, перетекая друг в друга, образуют новые миры. Но она же поддерживает стабильность функционирования человеческих обществ. Повседневность – целостный социокультурный мир, как он человеку дан» (Там же, С. 13).

² См.: Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2.

³ См.: Юнни Л.Г. Социология культуры. М., 1996. С. 94.

разрешениями, устанавливая границу между нормой и патологией человеческого существования.

Изучение поведенческих текстов позволяет проследить за произошедшими изменениями в глубинных пластах культуры конкретной исторической эпохи. Изучая повседневность, считает З.Е. Дорофеева, через господствующие нормы поведения, мы воссоздаем неповторимый колорит прошедших эпох. Повседневность должна занять в процессе междисциплинарных исследований подобающее место, поскольку это может помочь созданию реального представления о жизни людей в прошедшие эпохи, вместо идеальных схем.⁴

В России сейчас меняется не только экономический и социально-политический строй, но и повседневность. Причем, изменения в повседневной культуре являются более радикальными и глубокими, чем в официальной культурной жизни: реклама, СМИ, новый дизайн, новые заимствованные слова и обычаи, социальное расслоение, массовое потребление, "вестернизированный" стиль поведения. Именно поэтому, изучая повседневность, исследователь получает представления о тенденциях, которые еще не заметны на институциональном уровне. Чтобы понять то, что с нами происходит сейчас, и что будет происходить в будущем, нужно изучать те сдвиги в культуре, прежде всего в культуре повседневности, которые происходили в переломные, по нашему мнению, годы, т.е. в 60 – 70-е.

Сейчас, когда прошло более пятнадцати лет после СССР, видно, что картина сегодняшнего российского общества далека от идеальной либеральной модели. Тоталитарная модель советского общества также видится неудовлетворительной. Все больше становится ясным, считает Н. Н. Козлова, что как апологетические, так социально-критические (перестроечного и

⁴ См.: Дорофеева З.Е. Социология культуры и повседневность // Sociologist's Warehouse (http://sociologist.nm.ru/articles/zlata_01.htm). Там же: «В поисках путей, позволяющих приблизиться к пониманию прошлого непосредственно через его субъекта и носителя – человека, наука рассматривает понятие "повседневная жизнь" в качестве интегративного метода познания, который предоставляет возможность реконструировать историческое бытие в его тотальности, осмыслить внутренние социальные, психологические связи, проступающие в реалиях повседневности».

постперестроечного периода) концепции советского периода не имеют ничего общего с адекватным описанием советского общества. Ведь получается, что происходящее ныне либо не имеет предпосылок вообще, либо имеет в качестве таковых жесткую конструкцию, которая лишь теперь размягчается.⁵

За эти годы появилось множество текстов (научных и публицистических), в которых история советского периода была переписана с совершенно различных позиций. Можно выделить четыре таких позиции, четыре точки зрения на советский и период и на феномен советского человека.

1. Утверждается, что никакого «советского человека» как такового никогда не существовало, это идеальная модель, продукт идеологической машины, идея, которая культивировалась и внедрялась десятилетиями в сознание людей, но так и не получила реального воплощения.

2. Утверждается, что «советский человек» был, но «весь вышел», за годы перестройки и дальнейшего развития российского общества никаких «советских людей» больше не осталось. «Сегодня те проценты населения, которые демонстрируют приверженность к марксистско-ленинской лексике – это скорее реликтовые, пережиточные группы»⁶.

3. Третья точка зрения: советский человек был, есть и будет еще неопределенно долгое время. Это продукт семидесятилетней советской истории – продукт коммунистического воспитания, идеологической обработки, человек, сформированный специфически советскими условиями жизни. Некоторые исследователи, (например, С. Г. Кара-Мурза, автор книг «Советская цивилизация») утверждают даже, что советский человек вырос из общинного крестьянского коммунизма, который начал «иссыкать» только недавно, уже в наше время.

4. Наконец, согласно четвертой точке зрения, которую и мы разделяем, советский человек существует в каждом из нас и в той степени, в какой мы не

⁵ См.: Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 472.

⁶ Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993. С. 26.

можем трезво и объективно посмотреть на себя, в какой в нас не случилось понимания того, что произошло в России в XX веке.

А поскольку мы в той или иной степени продолжаем быть советскими людьми, то остается актуальным вопрос: как достичь необходимой дистанции между собой – Миклухо-Маклаем и собою же – пануасом? «Человеку, – пишет известный этнолог А.К. Байбурин в предисловии к книге Утехина И.В. «Очерки коммунального быта», – вообще свойственно «сопротивление познанию», если оно направлено на него самого... мы с удовольствием изучали (и продолжаем изучать) других и крайне болезненно переносим повышенное внимание к своей собственной персоне, (особенно, если предмет изучения расположен слишком близко к тем ценностям, которые определяют личностную идентификацию исследователя). Мы инстинктивно стремимся не допустить изменения самооценки. Другими словами, срабатывает механизм самосохранения – тот механизм, который спасает нас от разрушительного знания и одновременно препятствует изучению самих себя»⁷.

Главная проблема, образующая центральное ядро данного диссертационного исследования: советское общество – предпосылка того, что происходит «здесь и теперь». Это, вероятно, наш единственный ресурс. К сожалению, мы действительно знаем о советском обществе непростительно мало. Нет теоретической картины того, что именно представляли собой общественные структуры советского типа. Слова «тоталитаризм», «диктатура», «идеократия» мало что объясняют, являясь в большей степени идеологическими клише, чем социологическими или культурологическими категориями.

Обращение к миру повседневности позволяет нарисовать картину, в корне отличную от той, которую дает политическая концепция тоталитаризма. Это только сверху кажется, замечал А. Платонов, что внизу масса, а внизу люди живут. Мы попытаемся далее показать, – опираясь, конечно, не столько на свой опыт, сколько на труды историков, культурологов, социологов и художников, –

⁷ Утегин И.В. Очерки коммунального быта. М., 2004. С. 17.

этих живых людей, которые жили во времена советского строя, и не только «строили коммунизм» и пытались выжить, вопреки этому строительству, но проявляли свою индивидуальность, свое творчество, творили культуру, язык, быт и стремились быть свободными.

Цель исследования: дать культурологическое описание повседневной жизни советских людей, проанализировать многообразие проявлений этой повседневности, и, соответственно, в результате решить **следующие задачи:**

- Проанализировать теории происхождения «массовой культуры» и «массового человека».
- Показать специфику и своеобразие такой разновидности «массового человека» как «советский человек».
- Вычленить основные структурные компоненты и типы отношений человека в советской повседневной жизни
- Проанализировать формы, уровни и варианты проявления культуры повседневности в ее отношении к власти, идеологии, высокой культуре, быту, языку.
- Проследить влияние феномена советской повседневной культуры на современное общество.

Объектом исследования является советское общество и советские люди 60-70-х годов прошлого века, а также их теоретическая и предметно-практическая репрезентация в современной культурологической, социологической, философской и художественной литературе.

Предметом исследования выступает культура повседневности советских людей в исследуемый период, специфика их сознания, формы индивидуального и коллективного опыта, культурные практики, стилевые и речевые дискурсы.

Степень разработанности проблемы. Можно всю имеющуюся по данной проблеме литературу разделить на три части:

1. Литература классиков философии и социологии, посвященная проблеме «массового человека», «массовой или повседневной культуры», «проблеме языка массовой культуры». Это, прежде всего, работы Ф. Ницше, посвященные

проблеме нигилизма и проблеме «стада»; книги и статьи Н. Бердяева, посвященные специфике русской культуры и характера русского человека; работа Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс», работы Макса Вебера, посвященные методологии анализа социальных и культурных явлений; книга Норберта Элиаса «О процессе цивилизации», Элиаса Канети «Человек нашего столетия», книги А. Шюца, посвященные изучению проблем повседневности, и некоторые другие исследования.

2. Исследования современных советских и западных философов, социологов, антропологов: В.С. Барулина, попытавшегося в традиционном ключе разрешить проблемы человеческого бытия в интересной книге «Российский человек в XX веке: потери и обретение себя»; В.В. Большакова, бывшего собкора, «Правды», написавшего яркую, но достаточно одиозную книгу «Убийство советского человека», Л.Б. Брусиловской – в диссертации анализируется ее глубокая работа «Культура повседневности в эпоху "оттепели" (метаморфозы стиля)»; М. Геллера – ставшего ныне классиком советологии, благодаря острой и едкой книге «Машина и винтики. История формирования советского человека», еще одного советолога, американца Б. Гройса, который в книге «Утопия и обмен. Стилль Сталин», поднимает важные проблемы стилистики советской культуры; глубокие аналитические труды Е. Добренко «Формовка советского писателя», «Формовка советского читателя» и другие, где прослеживается процесс становления советской культуры и советского человека; великолепная работа Г. Гуссейнова «Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х», показавшего процесс становления «советского языка» и советского стиля мышления; вдумчивая и полная симпатии к русским людям книга американского культуролога Н. Рис «Русские разговоры: культура и речевая повседневность эпохи перестройки»; уже упоминавшееся фундаментальное исследование Н. Н. Козловой «Советские люди. Сцены из истории», а также труды А. Г. Вишневского, Т. С. Георгиевой, З. Е. Дорофеевой, А. А. Зиновьева, А. В. Ионина, В. Каганского, Н. Т. Клименковой и Н. А. Кулиной, С. Г. Кара-

Мурзы, А. Лазаревича, Е. А. Осокиной, Т. А. Кругловой, Ю. А. Левады, Е. А. Осокиной, В. Паперного, А. Ю. Согомонова, В. С. Тяжельниковой, И. В. Утехина, А. В. Худенко, Андрея и Татьяны Фесенко, Н. Н. Цветаевой, F. C. Corney, M. Lenoe, D. Brandenberger.

3. Писатели, публицисты и литературоведы, философски осмысливавшие советскую действительность: П. Вайль и А. Генис с их философско-публицистическим исследованием «60-е. Мир советского человека», Ю. Дружников и его роман «Ангелы на кончике иглы», Ю. Трифонов с его замечательными «бытовыми романами» и его дневниками, записные книжки А. Платонова и К. Чуковского, едкая сатира В. Пелевина в его книге посвященной советскому языку «Зомбификация. Опыт сравнительной антропологии», воспоминания и исследования литературоведов Л. Я. Гинзбург, В. Кожина, Н. Я. Мандельштам.

Методология исследования определяется спецификой и сложностью изучаемого объекта и предмета, междисциплинарным характером последнего. Поэтому, наряду с классической рациональной методологией (предполагающей логический, структурно-генетический, сравнительный, культурологический анализ) в работе применялись принципы неклассической рациональности (прежде всего семиотики и постструктурализма).

В качестве необходимых составляющих современного культурологического исследования автор предполагает не только его научность, но и удобочитаемость, некоторую художественность и эстетичность культурологического дискурса.

Научная новизна исследования определяется недостаточной разработанностью избранной темы и состоит в следующем:

- На стыке культурологии, антропологии, социологии и философии осуществлена проблематизация темы «Советский человек в культуре повседневности» в современной российской и зарубежной литературе.

- Выявлено, что основные черты «советского человека» типичны не только для России XX века, но и в целом для европейской культуры нового времени. Показано, что в России они приобретают специфическую особенность и окраску.
- Описаны и проанализированы многообразные смыслы, вкладываемые в понятие «советский человек» и «культура повседневности», показана недостаточность и абстрактность многих современных теорий, касающихся подобной проблематики.
- Показана огромная работа власти и идеологии по формированию «нового человека», «новой исторической общности», ее достижения и провалы.
- Подробно рассмотрены специфические особенности культурной повседневности 60 - 70-х годов в СССР: быт, отношения к власти, мода, двосмыслие, эзопов язык, анекдоты, искусство андерграунда, диссидентство и т.д.
- Проанализировано влияние языка идеологии на язык повседневности, роль и значение языка в формировании картины мира, структуры общества и способов поведения человека.
- Выявлено положительное и отрицательное влияние советской эпохи и всех ее основных компонентов на современное развитие российского общества.

Положения, выносимые на защиту:

1. Советский человек не только продукт советской власти и идеологии, но и результат исторических особенностей развития России, русской культуры, русского государства.
2. Советский человек – это разновидность массового человека – характерного явления общества европейского общества на определенном этапе его развития.
3. Глубоко и всесторонне описать такие характерные феномены как «советский человек», «советское общество», можно, прежде всего, анализируя культуру повседневности российских людей: быт, язык, уровень культурного развития, отношение к власти и т. д.
4. Только исследуя особенности развития культуры в советскую эпоху: специфику соотношения «высокой» и «низкой» культуры, массовой культуры, особенностей

«культурного воспитания» народа, роль и место интеллигенции, можно понять специфику и движущие силы того грандиозного эксперимента, который был осуществлен советской властью.

5. Пристальное изучение советского периода, социальных, душевных и духовных основ советского человека, возможно, приблизит нас к пониманию того, что случилось с нами в последнее десятилетие, где выход из тех проблем и трудностей, с которыми сегодня столкнулось российское общество.

6. В современном обществе идет борьба между «советским консерватизмом» и «постсоветским либерализмом» – борьба за власть, за реформы, за так или иначе понимаемые свободы личности, и ареной этой борьбы, прежде всего, становится сознание людей.

7. Культура повседневности ярче всего выражается в языке, и очень часто смена языка, которым говорит народ, или с которым обращается к нему государство свидетельствует о глубинных изменениях в обществе.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты работы позволяют не только углубить существующие теоретические представления о советском обществе, его культуре, его людях, но и очертить проблемное поле, наметить перспективы дальнейшего изучения повседневности, ее основных структур и механизмов. Материалы диссертации могут быть востребованы и найти практическое применение при разработке курсов по истории и теории культуры, спецкурсов, посвященных культуре советского общества, проблемам культуры повседневности, а также использованы преподавателями других гуманитарных дисциплин, прежде всего философии, социологии, культурной антропологии.

Апробация. Основные результаты и выводы исследования доложены на III Международной научной конференции «Деятельностное понимание культуры как вид человеческого бытия» (г. Нижневартовск, 8-9 декабря 2005 г.) и на IV Международной научной конференции «Деятельностное понимание культуры как вид человеческого бытия» (г. Нижневартовск, 8-9 декабря 2006 г.)

Структура диссертации. Структура диссертации определяется авторским замыслом и последовательностью решения основных задач. Работа состоит из введения, трех глав (включающих восемь параграфов), заключения и списка использованной литературы. Общий объем работы – 140 стр.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Советский человек и культура повседневности» анализируются все аспекты, связанные с феноменом советского человека: его происхождение, основные черты, характеристики, главные подходы к изучению этого феномена в современной культурологии, философии и социологии.

В параграфе первом «Массовый человек и homo soveticus» прослеживаются причины появления массового общества и массового человека, утверждается, что эти явления были типичны для всех стран Европы, поскольку связаны с развитием капитализма и демократизацией общества. Анализируются взгляды Ф. Ницше, К. Леонтьева, Х. Ортеги-и-Гассета на причины появления и распространения массового человека. Автор в этом параграфе показывает, что Россия не избежала общей участи, и тенденция, приведшая к появлению массового человека и массовой культуры, получила свою специфическую окраску в России, благодаря своеобразию развития русской истории и культуры. Огромную роль в проявлении этой специфики сыграли противоречивые свойства характера русского народа: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт (Н. А. Бердяев).

Это наложение общеевропейской тенденции на специфику русской ментальности, русского характера, во многом предопределило особенности того эксперимента, который привел к появлению советского человека.

В параграфе подчеркивается, что советский режим в стране существовал очень долго, и было бы неправильным полагать его идеологически и политически однородным. Менялся образ жизни, и тот «советский человек», которого мы здесь анализируем, окончательно сформировался к 70-80-м годам. Довосенный «советский человек» был не вполне «советским человеком», потому, что он еще в детстве жил в другое дореволюционное время. А к 70-м годам уже сложился этнический тип. Тогда же у агитпропа появилось выражение «советский народ – новая общность людей». Фактически намекалось на то, что советский народ – это уже нация.⁸

Во втором параграфе «Основные характеристики советского человека» отмечается, что современному исследователю приходится иметь дело с социокультурным типом «советский человек» в условиях его очевидной деградации, и, тем не менее, социологические опросы, отклики и выступления людей в быту, на производстве, в средствах массовой информации позволяют нам с большей или меньшей точностью описать основные черты советского человека.

В параграфе перечисляются и анализируются сущностные черты советского человека, такие как государственно-патерналистская ориентация и вытекающий отсюда инфантилизм, восприятие иерархичности общества как некой необходимой объективности и специфический эгалитаризм, имперское мышление, когда принадлежность к могучей империи позволяет ощущать и собственную значимость, идеологичность и одновременно равнодушие ко всяким идеологиям, гиперорганизованность и анархия, принудительный активизм и отвращение к труду. Советский человек не верит в Бога, зато верит вождям, газетам, телевидению, сплетням, приметам, гороскопам, это человек очень смешанных взглядов: он отчасти язычник, отчасти он материалист, отчасти религиозный – и это все легко совмещается в нем. Он не верит в царство Божие, а верит в рай земной (коммунизм) на земле. Он не способен к самокритичности и

⁸ Выражение "советский человек" появилось в конце 30-х годов. Именно тогда его стали использовать. До этого были в ходу классовые термины – пролетарии, Интернационал, революция. Все эти слова к пришедшим годам утратили свое значение, хотя иногда где-то звучали на заднем плане.

покаянию, у него всегда виноваты ситуация, соседи, начальники, государство. Он не способен к свободному созидательному труду, предпочитая нудную однообразную работу за кусок хлеба. Он не способен работать на совесть, а работает из-за страха. Он не любит свободы, предпочитая насилие (любовь к тиранам). Он всегда предпочитает материальную выгоду духовной свободе (льготы, привилегии). Он жаждет до «халявы» и легко попадает на всякие уловки и хитрости. Он не выносит одиночества, всегда ходит в стаде и готов поддержать любую компанию (страсть к коллективизму). Он завистлив и не выносит чужого благополучия.

В параграфе говорится о том, что «человек советский» не остался в прошлом. Или точнее: мы сами от него не отделились, не отделились – от этого образца, от этого эталона, который сложился или выдуман раньше. Согласно данным ВЦИОМ, на вопрос «чувствуют ли они себя “советскими” людьми?», треть людей постоянно и еще четверть (т.е. там набирается под 60%) – время от времени чувствуют себя советскими людьми.

Тем не менее, отмечается в параграфе, люди не могли измениться полностью после октябрьского переворота и большевистских репрессий. Человека, согласно Ф. Достоевскому, вообще нельзя изменить, можно только сломать. Немало было тех, кого советская история сломала. Но большинство приспособилось, не особенно меняясь внутренне, выжили. Хотя более чем семидесятилетняя история вошла в нас, не могла не войти и частично стала нашей второй природой.

В третьем параграфе «Культура советской повседневности в 60- 70-е годы» описываются и анализируются социальные, культурные сдвиги в быту и сознании людей, происшедшие в эти годы, начиная с «хрущевской оттепели» и кончая периодом «брежневского застоя». Эти сдвиги имеют свои предпосылки: западные фильмы, попавшие в СССР в качестве трофеев, джаз, «стиляжничество», появление богемы. Что касается изучаемого периода, то его главными приметами были – самодетельная песня и выросшая из нее поэзия,

появление советской массовой культуры, хаотической, эклектичной: гитарные песни, интимные стихи, стильная одежда, молодежный жаргон, легкая мебель, эстрада и многое другое, появление в литературе и в жизни бездомных и безденежных героев, говорящих на понятном универсальном языке, возникновение диссидентства, движения «шестидесятников», переосмысление марксистской идеологии.

Еще одним феноменом, возникшим в шестидесятых годах, был Самиздат. Самиздат – это не только литература и публицистика, но и уникальный социальный феномен многонациональной советской культуры. Книги, запрещенные к изданию в стране, или не запрещенные, а просто не изданные, тайком ввозились в страну по одному экземпляру, а потом размножались в большинстве домашними, бытовыми технологиями. Начинаясь с классической мировой литературы, позже в среде самиздата стали появляться труды диссидентов – противников советского режима, будущих политиков. В самиздате было все – все книги А. Солженицына, А. Буковского, Дж. Оруэлла, Милована Джиласа, А. Авторханова, статьи А. Сахарова, И. И. Шафаревича и многих других. Произведения, помещенные в Самиздате, несмотря на запреты и риски, читали в СССР миллионы людей. Это был мощнейший культурный слой, скрывавшийся под декорацией советского режима.

Определяющую роль в процессе таких преобразований сыграла культура повседневности, практически не поддающаяся давлению сверху, централизованным манипуляциям и диктату, а потому способная выполнять роль "противоядия", то есть противостояния всяческим диктатурам и произволу.

Во второй главе «Структурные компоненты и типы отношений человека в советской повседневной жизни», анализируются отношения человека к власти, культуре и быту.

В первом параграфе «Советский человек как продукт власти и власть как продукт человека» утверждается, что власть в советском обществе была главным

фактором, определяющим всю жизнь человека – от получения места в детском саду до возможности защиты диссертации, от профсоюзной путевки на курорт до приобретения шести соток земли под строительства дачи. Власть, какая бы она грозная не была, требовала от каждого человека только одного – лояльности. Лояльность важнее профессионализма, лояльность – это та валюта, за которую можно купить почти все. Если оказывалось, особенно в молодости, что человек не обладает способностями или талантами, он начинал из всех сил демонстрировать свою лояльность – пытаться попасть в комитет комсомола, в профсоюзные деятели. Везде, во все годы существования советской власти существовала система опознания «свой – чужой». Она иногда осуществлялась на интуитивном уровне, но еще чаще критерием «своего» была простота. Атрибут универсальной простоты принадлежал как официальному, так и массовому советскому сознанию. («будь проще!», «Ленин – удивительно простой человек»). Простота – синоним массовидности – быть как все. Она не означает коллективности или сплоченности. Это лишь ориентация на всеобщее усреднение.

Принятие полной зависимости от государства было условием сохранения, возможности творчества, возможности самостоятельности и даже приватной частной жизни. Так подчинение планированию было гарантией возможности для некоторой хозяйственной автономии, барщина на колхозном поле – условие пользоваться «личным» подсобным участком, написание оратории «Диалектика природы» – возможность личной творческой свободы.

Для людей – это сделка с дьяволом, а дьявол не может существовать без сделки. Однако эти сделки постепенно привели к нравственному разложению общества, к появлению двоемыслия. И лояльность, и двоемыслие были, в конечном счете, порождением страха. Страх заставляющий принять этот строй жизни, потому что только власть и может обеспечить здесь социальный порядок – указать ему место в системе социальных связей, соц. ролей внутри всего целого.

Далее в параграфе показывается, как власть в XX веке становилась вездесущей – на всех уровнях и на всех этапах жизни человека. На примере

особенностей функционирования советской власти можно хорошо проследить анонимность и диффузность власти в эпоху модерна. Государство создают анонимные социальные силы и формы власти, а не человек. И мы не поймем способ функционирования и сущность ни одного социального института или явления, если будем исходить из человека, а если поймем, то весьма приблизительно и опосредованно.

Основная идея **второго параграфа** «Высокая» и «низкая» культура. Проблема массовой культуры» заключается в том, что любая тоталитарная власть всегда редуцирует культуру, если под последней понимать смысловое ценностное разнообразие, в чем бы оно не выражалось (секс, поведение, кулинарные вкусы, установки в отношении к смерти или символических кодов реальности – искусства, религии и т. п.). Поскольку нельзя заменить или устранить какую-нибудь культурную систему – искусство или религию, то власть, господствующая идеология выдает мандат на нигилистическое отношение к любым символическим значениям, к ценностям любых культурных систем, также к самой идее автономности, самооценности и самодостаточности культуры.

Культурный нигилизм выражался в перекодировке основных понятий: «свобода» другого выступает как скрытая ангажированность и претензия на господство, «вседозволенность», информация – как «манипулирование» или «клевета», разум – как «расчетливость», «хитрость», «лицемерие», «бездушные», искусство как безответственное паразитическое занятие или пробуждение низменных инстинктов и т. п. Властью насаждался особый «культурный» стиль, который выдерживался почти повсеместно: нелепые по своей архитектуре высотные дома, огромные панно на домах с железобетонными лицами строителей коммунизма, производственные или военные романы. Даже стиль одежды отражал могущество и монументальность: фантастические по своей нелепости костюмы и прочная, тяжелая и совершенно неудобобноносимая обувь. При этом происходит беспрецедентное смешение высокой и низкой культуры. Появляются новые «пролетарские» и «крестьянские» писатели,

новые эстетические критерии, новые пути и законы творчества. Начинает преобладать стратегия усреднения – универсальная стратегия сталинской культуры. «Не элитарность, свойственная революционной культуре, но элитарность с опорой на массово усредненный тип восприятия, – своеобразное (как в социалистическом реализме сочетание «мечты и реальности», чутко уловленное Сталиным, стало настоящей матрицей для культурного моделирования советской эпохи»⁹.

По мере ослабления государственного контроля над культурой все более вырастает роль и значение культуры повседневной, включающей в себя все стороны жизни: быт, одежду, отношения с соседями, повседневный язык. Постепенно оказывалось, что именно эта повседневная культура делает людей людьми гораздо в большей степени, чем высокая культура, более того, последняя вырастает из нее и ею питается. Теперь все более становится ясным, что советский народ выжил и остался народом, а не «новой исторической общностью» без рода и племени, поскольку был носителем глубоких культурных традиций повседневности, которые сохранились несмотря ни на какое идеологическое давление. Традиции, следование приметам, предрассудки, сохранение основных ритуалов (свадьбы, похороны), стихийная религиозность, любовь к природе, жалость к убогим, мечты о счастье – все это тот необходимый балласт, без которого любой корабль будет неустойчив и легко опрокинется.

Третий параграф «Советский быт и способы выживания человека» посвящен вопросам соотношения государственной идеологии и повседневного быта советских людей. Власть следила за тем, чтобы все крупные политические кампании проходили под лозунгом «всенародного одобрения». Но в реальности людей прежде всего волновали нужды текущего бытия, а не интересы «большой политики». Сводки вопросов, заданных аудиторией во время

⁹ Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб., 1999. С. 466.

обсуждения очередного партийно-правительственного постановления, доказывают, что многие из них совсем не касались предмета обсуждения, а снова и снова возвращались к проблемам повседневности – положению на потребительском рынке, жилищной проблеме, работе коммунальных служб и т.д. Повседневность, задачи элементарного выживания заслоняли политику. В параграфе освещаются основные черты быта советских людей в шестидесяти-семидесятые годы, вернее почти полное отсутствие бытовой обустроенности. Конечно, кое-кто из них жил в высотных домах, где вестибюли были украшены мозаиками А. Дейнеки. В 60-х возник советский средний класс, его представители могли иметь автомобиль, дачу и сберегательную книжку с рублями, которые, казалось, не знали девальвации. Но большая часть до конца 70-х жила в коммуналках, а потом населила стандартные «хрущобы» больших и малых городов. Наиболее полно и адекватно можно понять бытовую жизнь и повседневную культуру человека, наблюдая за его жизнью в коммунальной квартире. Здесь возникла своя культура общения, специфика поведения, даже специфическое мировоззрение. Можно сказать, что коммунальная квартира была неким микрокосмом, отражающим все перипетии и противоречия большого космоса – советского общества.

Поскольку нигде и никогда не было такой формы совместной жизни людей как коммунальная квартира (существовали, например, толстовские коммуны, но там люди были объединены общей идеей, а здесь случайных, чужих людей судьба собрала вместе), то анализ ее культурной повседневности может много дать для понимания природы советского человека и человека вообще. Жители коммуналок имели свою организацию и восприятие пространства жилища, свои понятия о коллективной доле и принципах справедливости, идеи «чистого» и «грязного», «своего» и «чужого», представления о личностной сфере индивида и нормах общения между людьми, о природе конфликтов и способах их разрешения.

Жизнь в коммунальных квартирах ложилась часто тяжелым грузом на психику – прозрачность пространства и жизнь на виду, специфичный характер коммуникативных взаимодействий и конфликтов привели к появлению, как пишет И. Утехин, такого типа больного как «параноид жилья».¹⁰

Через жизнь в коммунальных квартирах прошли миллионы людей, и при анализе культуры повседневности, характере и психологии советского человека этого нельзя не учитывать.

В третьей главе «Язык как средство выживания и способ самопонимания в культуре повседневности» рассматривается проблема соотношения культуры повседневности и языка идеологии, роли и влияния «государственного» языка на формирование мышления и сознание советского человека.

В первом параграфе «Прецедентные тексты эпохи» говорится о том, что советская власть с самого начала своего существования пыталась посредством новых слов упорядочить пространство жизни, собрать распавшийся мир, самоопределиться, обрести идентичность. Идеологический язык переописывает мир (Н. Н. Козлова). Он предлагает и внушает системы классификации, которыми пользуются как привилегированные, так и непривилегированные. Приобретенные способы классификации мира кажутся «естественными», например, практически все пользовались классификацией *наш человек/не наш человек*.

Для безраздельного господства идеологии создавались прецедентные тексты. В число прецедентных текстов обычно входят мифы и предания, библейские тексты, притчи, анекдоты, сказки, тексты художественной литературы, которые можно считать ключевыми текстами эпохи. В этот ряд следует включить и тексты больших идеологий. Для культуры советской эпохи такими текстами вроде бы были тексты вождей – Маркса, Ленина, Сталина. Действительно, исследование, проведенное на закате советского общества, показывает, что имена Маркса и Ленина занимают ключевое место в

¹⁰ См.: Утехин И.В. Очерки коммунального быта. М., 2004. С. 172.

ценностно-семантическом поле массового сознания. Прецедентным текстом, несомненно, являлась «Как закалялась сталь», фильм «Чапаев» – их также читали и смотрели миллионы советских граждан, читали и перечитывали, пересматривали много раз, всю жизнь. И слова из книги, особенно из фильма разошлись на цитаты, которые использовались на любые случаи жизни. К подобного рода текстам относилась и «Поднятая целина» М. Шолохова, ее изучали в школе, по ней ставили фильмы. Эти и другие тексты, как правило, не принадлежали высокой культуре, а становились прецедентными благодаря усилиям агитпропа, благодаря своему «классовому» подходу. Прецедентным может быть не только текст, но и слово, на основе которого создавалось немало текстов – например, слово «Октябрь» как эвфемизм революции. Революция рассказывалась повсюду – в газетах, листовках и брошюрах самопровозглашенными революционерами всех мастей. Ее можно было услышать в повседневных и официальных речах, на городских улицах, на фабриках и заводах, в агитпоездах, которые развозили ее по всей стране. Она рассказывалась в исторических книгах, школьных учебниках и детских книжках. Она рассказывалась в архивах, музеях и библиотеках, занятых сохранением ее материальных следов. Она рассказывалась на «красных» похоронах, процессиях и фестивалях. Она рассказывалась в фотографиях, которыми скоро начали заполняться обложки и страницы журналов, и в фильмах, заполнивших киноэкраны страны. Через неуклонное восхождение по ступеням «свидетельств» Октябрь, наконец, превратился в событие инициации Советского Союза.

Во втором параграфе «Язык повседневности и язык идеологии» подробно анализируется упрощение, вульгаризация и примитивизация языка, ставшего инструментом идеологии. Семьдесят лет возводили социалистический Вавилон и добились вавилонского смещения языков – обиходного с «феней» и подростковым сленгом, художественного с чиновно-заседательским. А за этой пестротой и смещением – наш, фирменный, уклад

сознания, проутюженного пропагандой. (Г. Гуссейнов). Все слова, употребляемые в политической риторике – мертвые, обесцененные, стершиеся от частого употребления.

В параграфе делается вывод, что язык – это власть. И мы постоянно сталкиваемся в нашей советской истории с феноменом завороченности языком идеологии. Язык – это оружие, причем главное оружие. Логократия – власть языка, обладает чудовищной силой, сопротивляться которой очень трудно. Происходит подмена слова, подмена значения, подмена реальности. И эту власть сознает и широко использует любой тоталитарный режим.

Свобода (в том числе свобода от языкового плена) начинает брезжить тогда, когда восстанавливается разорванная цепь повседневности. Когда человек перестает отрекаться от себя самого, каким он был раньше, от семьи, от предков. Именно тогда происходит преображение, в результате которого он получил свою награду – человеческий язык, на котором можно высказать простые и необходимые вещи: говорить о любви, смерти, надеждах на будущее и страхе перед неизвестным. Эпоха кончилась, и понимание (смутная догадка, обманчивое ощущение, уверенность, твердое убеждение), что вместе с нею должен уйти и весь ее язык, становится общим местом.

Можно сказать, что советская эпоха как реальность сознания осталась в языке, но по мере того, как меняется язык, освобождаясь от мусора различных идеологем, исчезает и эпоха. И уже второе постсоветское поколение забудет этот язык и связанные с ним реалии и могущественную, когда-то царствовавшую над людьми псевдореальность.

В заключении подводятся итоги исследования и делаются необходимые выводы.

По материалам диссертации опубликованы следующие работы:

Публикации в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК

1. Лукаш, Н.П. Власть и язык / Н.П. Лукаш // Вестник российского государственного гуманитарного университета. Сер. Философия. Социология. – 2007. – № 2-3. – С. 92-100 (0,6 п.л.).
2. Лукаш, Н.П. Повседневная культура советских шестидесятых / Н.П. Лукаш // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2007. – № 48. – С. 120-126 (0,5 п.л.).

Публикации в других изданиях

3. Лукаш, Н.П. Культура повседневности: антропологическая трактовка и методологические основы / Н.П. Лукаш // Современные проблемы развития образования и науки: тезисы школы-семинара докторантов, аспирантов и соискателей. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2006. – С. 25-26 (0,5 п.л.).
4. Лукаш, Н.П. Диалектика быта и повседневности / Н.П. Лукаш // Проблемы истории культуры: сборник научных трудов. Выпуск 4 / отв. ред.: В.И. Полищук, Я.Г. Солодкин. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2007. – С. 118-123 (0,3 п.л.).

Подписано в печать 26.09.2008
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Таймс. Усл. печ. листов 1,75
Тираж 100 экз. Заказ 809

*Отпечатано в Издательстве Нижегородского государственного
гуманитарного университета
628615, Нижегородская область, г.Нижегородок, ул. Державинского, 13
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: ngripuc@nvgartovsk.wsnet.ru*